

Е.Н.Романова

*Г.В.Ксенофонов:
миф о странствующем
герое*

Писать о Гаврииле Васильевиче Ксенофонтове (1888—1938) — ярком ученом, крупном общественном деятеле, в чьей судьбе как в зеркале отразились трагические страницы становления национальной якутской интеллигенции, зарождения якутской этнографической школы, — трудно и ответственно.

Ученый-энциклопедист, юрист, крупнейший сибиревед, он прекрасно разбирался в вопросах ориенталистики, разрабатывал собственные курсы по истории религии, занимался литературоведческими изысканиями, увлекался переводами философских работ немецких ученых, читал лекции по этнографии и фольклору народов Сибири.

Вклад Г.В.Ксенофонтова в разработку теоретических проблем архаичных форм мышления и собственно шаманства общепризнан. На его работы ссылается практически каждый, кто занимался и занимается традиционным мировоззрением, мифологией и ритуалами. Среди многочисленных поклонников ученого можно назвать известного антрополога М.Элиаде и крупнейшего религиоведа С.А.Токарева. Значительный объем текстов по шаманству якутов, бурят и тунгусов, собранных Г.В.Ксенофонтовым, был использован в книге М.Элиаде «Шаманизм. Архаичные техники экстаза», посвященной раскрытию самого феномена шаманизма, анализу его идеологии, символизма, мифологии¹. С.А.Токарев, анализируя формы первобытного мышления в своей книге «Ранние формы религии», не раз обращался к материалам якутского ученого².

Было время, когда научные выводы и положения ученого продолжали жить своей самостоятельной жизнью в работах других исследователей, странствуя из книги в книгу. Личность же ученого оставалась загадкой, образ воспринимался как своеобраз-

ный миф, имя было окутано тайной. И только в последнее время пробудился подлинный интерес к Ксенофонтову как человеку, гражданину, общественному деятелю. В то же время нельзя не отметить, что якутские ученые еще в 70-е годы прошлого столетия пытались дать объективную оценку его научной деятельности. Так, в 1978 г. в Москве в академическом издании «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» вышла статья Г.У.Эргиса, посвященная научной деятельности и рукописному наследию Г.В.Ксенофонтова³.

На сегодня наиболее полная научная биография Ксенофонтова представлена в монографическом исследовании А.Н.Дьячковой⁴. К юбилею ученого появился ряд публикаций, посвященных его жизни и научной деятельности⁵. Однако отдельные вехи его жизненного пути до сих пор остаются малоизвестными, а некоторые события требуют новой интерпретации. Допускаю, что и мое «прочтение» сложных жизненных коллизий в судьбе этого человека лишь набросок к портрету неординарной, многогранной личности.

Освещение без политических купюр жизненного пути первого якутского ученого, репрессированного в годы советской власти, полное возвращение его имени в научное сообщество — это своего рода ритуал покаяния якутского народа перед его выдающимся сыном, беззаветно служившим ему и ставшим жертвой сталинского тоталитарного режима.

Имя Гавриила Васильевича Ксенофонтова как «врага народа» на долгие годы было вычеркнуто из национальной истории саха. Тем не менее я впервые услышала о нем еще в детстве. У нас дома хранились старинные фотографии начала века, подаренные моему отцу известным историком Ф.Г.Сафроновым. Мы, дети, часто разбирали и с интересом рассматривали пожелтевшие от времени фотографии разных лет. Отец иногда собирал нас и, разложив фотографии на столе, мог часами рассказывать о каждом, кто был запечатлен на черно-белом снимке. Запомнилось, что это были удивительно красивые, умные и одухотворенные лица. На одной фотографии была изображена целая семья, на обратной стороне — карандашная надпись: «Семья Ксенофонтовых. Сыновья: Павел — юрист, расстрелян, Гавриил — этнограф-ученый, расстрелян, Аркадий — инженер в Москве, убит, Илья зверски избит, умер от побоев, Иван отправлен в Соловецкие лагеря, Константин эмигрировал в Харбин, а затем в Америку, где в скором времени умер». Вот тогда трагедия семьи Ксенофонтовых впервые вошла в мою жизнь. Потом, уже будучи студенткой кафедры этнографии и антропологии Ленинградского университета, я открыла для себя удивительный мир науч-

ных трудов якутского ученого Гавриила Васильевича Ксенофонтова.

* * *

В конце XIX в. Якутия являлась одной из наиболее отсталых частей Российской империи. Начавшееся после отмены крепостного права развитие страны по буржуазному пути почти не затронуло общественно-политическую и социально-экономическую жизнь отдаленных национальных окраин. На Якутию не была распространена ни одна из буржуазно-либеральных реформ, что еще более тормозило развитие края. Несмотря на низкий уровень образования, просвещения и культуры, в конце XIX—начале XX в. начался процесс формирования национальной интеллигенции.

Г.В.Ксенофонтов родился 16 января (4 января по ст. ст.) 1888 г. в местности Тиит-Арыы, на берегу живописной реки Лены. Сразу после рождения родители отдали его на воспитание в семью якута Ионы Слепцова. Связано это было с тем, что у Ксенофонтовых новорожденные дети часто умирали и в этом случае, согласно якутским поверьям, необходимо было поменять местожительство ребенка, чтобы запутать злых духов — *абасы*, приносящих болезнь и смерть. Гавриил был старшим сыном в семье, после него у Ксенофонтовых родились еще пять сыновей и три дочери. Ученый в автобиографии писал о своих родителях: «Мои родители — якуты Западно-Кангаласского улуса 4-го Мальжегарского наслега, Василий Никифорович Ксенофонтов и Екатерина Максимовна. Отец был состоятельным и служил по выборам в улусном управлении на разных должностях. Но меня по рождении отдали на воспитание рядовому якуту середняку Ионе Слепцову, в семье которого я вырос и прожил до поступления в школу»⁶. Научившись грамоте в сельской школе, Гавриил через год поступил в детский Мариинский приют в Якутске. Вскоре семья переезжает на постоянное жительство в город, с тем чтобы дать всем детям образование. Отец в городе устроился работать в якутскую контору Ленских приисков приказчиком по скупке и зимней доставке грузов. На этих операциях он скоро нажил значительный капитал.

Василий Никифорович Ксенофонтов сыграл заметную роль в общественной жизни маленького провинциального городка. Во многом благодаря его инициативе и настойчивости в Якутске появились телефонная связь, электричество. Позднее, в годы Первой мировой войны, В.Н.Ксенофонтов обратился к якутской общественности с призывом помочь денежными средствами

фронту. В.Н.Ксенофонтов вместе с другими якутскими интеллигентами боролся за представительство Якутии в Государственной думе, за проведение земской реформы в крае. Ксенофонтов-старший способствовал тяге своих детей к знаниям, образованию, культуре.

В 1899 г. после окончания Мариинского приюта Г.В.Ксенофонтов был принят в Якутское реальное училище, где проявил себя способным и прилежным учеником. Особых успехов Гавриил достиг в математике, за что товарищи прозвали его «Архимедом». В старших классах он стал посещать библиотеку политических ссыльных и активно читал революционную литературу. Библиотекой заведовал социал-демократ С.Ф.Котиков, который организовал в Якутске нелегальный кружок, привлекая в него демократически настроенную часть учащейся молодежи. Здесь юный Ксенофонтов впервые познакомился с работой К.Маркса «Капитал» и долгое время находился под большим впечатлением от теоретических идей, содержащихся в этом фундаментальном исследовании. Сложная по содержанию и по форме изложения книга требовала вдумчивого и кропотливого чтения и осмысления уже прочитанного. Безусловно, изучение такого рода литературы прививало навыки к работе над серьезными научными трудами и их анализу. Об этом времени Ксенофонтов писал: «В период революции 1904—1905 гг. принимал участие лишь в движении учащихся, посещая митинги, конспиративные заседания "политиков", дебатировавших вопросы аграрной политики и прочие программные документы. Но эта эпоха оставила неизгладимые воспоминания, а главное, дала марксистское научное мировоззрение, хотя вопросы политической программы большевиков и меньшевиков для меня были малопонятны и не особенно привлекали»⁷. После окончания училища, проработав год в Якутске в качестве репетитора, он в 1907 г. устраивается на работу народным учителем в сельскую школу.

По настоянию отца в 1908 г. Гавриил поступает на юридический факультет Томского университета. Надо заметить, что Василий Никифорович, пользуясь непререкаемым авторитетом, оказывал огромное влияние на сыновей. Он был человеком прогрессивных взглядов и не жалел средств для образования своих детей. Выбор В.Н.Ксенофонтовым для сына карьеры юриста был неслучайным. Вопросы права, законодательной деятельности были наиболее актуальными для молодой формировавшейся тогда национальной интеллигенции. Несомненно, на Ксенофонтова-старшего оказывал большое влияние и духовный лидер якутской интеллигенции юрист-практик В.В.Никифоров, с которым Василий Никифорович был в дружеских отношениях

через отца. С этого момента личность Никифорова станет символом-действием в жизни молодого Ксенофонтова. Заглядывая вперед, отметим, что судьбы этих двух выдающихся представителей якутской интеллигенции впоследствии будут одинаково трагичны.

* * *

Старинный сибирский город Томск жил насыщенной культурной, интеллектуальной и общественно-политической жизнью. Томский университет был не только крупнейшим учебным центром Сибири, но и средоточием общественной жизни. При Томском университете функционировало юридическое общество, впервые занявшееся разработкой земской реформы для сибирских народов. Бесспорным лидером местной интеллигенции являлся этнограф, географ и путешественник Г.Н.Потанин. Оказавшись в Томске, Ксенофонтов сразу погружается в вольнолюбивую демократическую студенческую атмосферу: увлекается идеями сибирского областничества, посещает научный кружок. Как известно, деятельность «Сибирского кружка томских студентов» предусматривала создание благоприятных условий для обучения студентов Сибири и «культивирования в них научного интереса к своей родине»⁸. Его почетными членами были выдающиеся исследователи Сибири Г.Н.Потанин и А.В.Адрианов. Именно в годы учебы Г.В.Ксенофонтова в кружке разрабатывались планы создания в Томском университете кафедры сибиреведения. Примечательно, что члены кружка были первыми, кто услышал известный доклад Г.Н.Потанина «Областническая тенденция в Сибири». Увлеченные идеей областничества, члены кружка занимались пропагандой автономистских взглядов среди интеллигенции⁹.

Григорий Николаевич Потанин, в прошлом активный член студенческого сибирского землячества, был доступен студентам-сибирякам. Он живо интересовался их жизнью, оказывал им моральную и материальную поддержку, внимательно относился к их первым научным занятиям. Он хорошо знал и якутских студентов, участвовавших в Сибирском кружке. Так, в письме к своему другу Л.Ф.Пантелееву Г.Н.Потанин настоятельно просил принять участие в судьбе студента-якута Никифорова: «...направляю Вам молодого якута Алексея Никифоровича Никифорова, студента Томского университета, юридического факультета. Он отсюда едет в Петербург на лето участвовать в занятиях Пекарского, печатающего якутский словарь. Сибирский студенческий кружок, существующий при здешнем университете, избрал его

заведующим маленькой библиотекой, какая имеется при кружке. Кружок пользуется случаем и поручает г. Никифорову закупить библиографические работы из литературы о Сибири. Обращаюсь к Вам с просьбой помочь ему приобрести для кружка книгу Драгоманова "Россия и Польша"¹⁰.

Очевидно, что сокурсник Ксенофонтова студент Никифоров и привел его в кружок и там познакомил с самим Потаниным. Более того, Ксенофонтов сразу же подключился к научной работе Никифорова, и они скоро вдвоем составили редакторские комментарии к «Малому словарю якутского языка» Э.К.Пекарского. Молодой, подающий надежды студент-исследователь Никифоров умер очень рано, Ксенофонтов лишился близкого друга¹¹. Гавриил Васильевич сразу вошел в число талантливой студенческой молодежи, активно проявлявшей себя в общественной и научной жизни университета. Прогрессивная, либерально-демократическая среда города во многом определила будущее студента-якута. В эти годы могла произойти встреча Ксенофонтова и с этнографом А.В.Адриановым.

А.В.Адрианов жил в это время в Томске и активно пропагандировал этнографические знания. В 1909 г. по его инициативе состоялся «Сибирский вечер», на котором присутствовал Г.Н.Потанин. В этом вечере участвовали представители разных коренных народов Сибири, среди них и якуты¹². В якутском импровизированном «исполнении олонхо (эпоса)» на сцене участниками были и сами члены Сибирского кружка. Именно на этом вечере Адрианов выступил с докладом «Шаманская мистерия», после чего состоялось камлание алтайского шамана. Можно представить, какой мощный импульс был послан находившимся в зале участникам происходящего «действия». Возникает вопрос: а не в этот ли памятный вечер молодой Ксенофонтов впервые серьезно задумался о стезе этнографа? О том, что Ксенофонтов мог там присутствовать, говорит и тот факт, что денежные сборы от вечера шли в пользу Сибирского кружка. Еще учась в Томске, Ксенофонтов во время летних каникул начинает изучать религиозные верования, собирать фольклорные материалы, все большее внимание уделяя «устной летописи» народа саха.

Таким образом, подводя итог «томского периода» в жизни ученого, следует отметить, что на формирование его научных и политических взглядов оказали влияние такие крупные ученые, как Г.Н.Потанин, который одновременно являлся идеологом сибирского областничества, и продолжатель его идей этнограф А.В.Адрианов.

В 1912 г. Ксенофонтов получает диплом юриста второй степени и предложение Н.Н.Розина остаться на кафедре уголовного права для подготовки к профессуре. Гавриил Васильевич отказывается от предложения и поступает в адвокатуру в качестве помощника присяжного поверенного в Омском округе с местожительством в Томске. Год он занимается судебной практикой под руководством присяжного поверенного Б.М.Гана, а затем возвращается в Якутск. С этого времени начинается его блестящая карьера адвоката. Профессиональные знания, полученные в университете, давали возможность молодому адвокату защищать своих клиентов как в гражданских, так и в уголовных делах. «К нему за помощью обращались люди разных национальностей, принадлежащие к различным слоям общества, — пишет А.Н.Дьячкова. — На его счету было множество судебных дел. Но за все дела он брался с одинаковой мерой ответственности и стремился довести дело до конца, добиваясь справедливого решения дела, сколько бы времени оно ни потребовало»¹³. Прекрасное владение двумя языками (якутским и русским), эмоциональная, образная речь, великолепное знание греческого, латыни и немецкого языков делали его выступления яркими и запоминающимися. Речь его на судебных процессах была строго выверена и логична, по свидетельствам очевидцев, он обладал незаурядным ораторским искусством. Вскоре он становится одним из самых известных юристов в Якутске. Многие уже специально едут из далеких сел, чтобы попасть на прием к справедливому адвокату «Гавриилу».

В 1913 г. он получает документы на ведение всех ценных бумаг, связанных с иркутской фирмой Громовых и, таким образом, становится частным поверенным в делах А.И.Громовой¹⁴. Позднее он ведет финансовые дела фирмы «Московское торгово-промышленное общество взаимного кредита», становится адвокатом торгового дома «Рубанович и Мордухович». Вот здесь и пригодились математические способности Г.В.Ксенофонтова. Он легко разбирался в запутанных денежных операциях любой фирмы и мог без труда представлять их финансовые интересы в суде.

Однако активная натура Гавриила Васильевича не позволяла ему ограничиться только адвокатской практикой, в нем жила тяга и к общественной жизни. В своей автобиографии он по этому поводу пишет: «С 1913 до революции 1917 года проработал в адвокатуре, попутно занимаясь среди якутов и общественной деятельностью интеллигента-культурника»¹⁵. И это было вполне закономерно, так как дореволюционная юриспруденция включа-

Семья Ксенофоновых. 1914 г.
Г.В.Ксенофонов — сидит, второй справа, рядом с отцом

ла в себя не только теоретические правовые и процессуальные дисциплины, но и изучение «традиционных» обществ, сравнительное правоведение, историю древнего права, социологию. Более того, во второй половине XIX в. право и антропология (этнография) как самостоятельные отрасли научного знания развивались параллельно; в то время многие известные антропологи (этнографы) были юристами либо имели уже юридическое образование. Следовательно, юридическую деятельность Ксенофонтова можно рассматривать как ступень на пути становления его как профессионального этнографа.

В этом контексте открытие в 1913 г. в Якутске отдела Императорского русского географического общества, в работу которого сразу же активно включился Ксенофонов, можно считать в какой-то степени знаменательным. Следует заметить, что почетными членами общества в то время стали известные исследователи быта и культуры народов Якутии Э.К.Пекарский, В.М.Ионов, Н.А.Виташевский, В.И.Иохельсон, В.Г.Богораз-Тан. Этнографическая «заряженность» Географического общества дала, таким образом, молодому юристу новый импульс к изучению народной культуры. Его первые юридическо-антропологические исследования обращены к правовому положению коренных народов

Якутии. Вопросы просвещения и образования также волновали молодого юриста. Так, в 1914 г. в газете «Якутская окраина» появляется статья Ксенофонтова «Нужна ли якутам письменность?». Появление в массовой печати серии ярких публикаций о необходимости обучения родному языку и создания собственного якутского букваря стали заметным событием в общественной жизни Якутска¹⁶. Позднее, в 1916 г., в продолжение этой темы он выступит на страницах печати с предложением об открытии университета.

В статьях Ксенофонтова поднимались наиболее острые проблемы народного образования, просвещения и развития культуры, и в этом отношении они продолжали лучшие просветительские традиции интеллигенции. Следует особо отметить, что взгляды Ксенофонтова следует рассматривать в контексте философских размышлений якутской интеллигенции, которые отражали духовный универсум того времени, ментальность определенной части якутского общества¹⁷. «Жизнь властно требует радикальных изменений во взаимоотношениях между отдельными группами, классами; жизнь вносит коррективы в обычное (якутское) право, а для этого нужны нам юристы из своей же среды, отсутствие совета и помощи которых так тягостно сказывается на малоимущей, бедной части населения. Нам, наконец, и это самое главное, нужно поднять свое правовое и экономическое положение, а для этого необходимо исследовать, изучить свой родной край; необходимо те мертвые богатства, кои покоятся в недрах нашей земли и о которых так много говорят и пишут, превратить в действительное богатство края. И многое, многое, что уже есть у наших соотечественников, нам только приходится желать. Ждать, что кто-то придет к нам и устроит нашу жизнь, что кто-то поднимет наше благосостояние, нам не приходится. Это дело наше, ибо каждый должен ковать свое счастье сам; мы сами должны думать и заботиться о себе. Давно известно, что, чем образованнее народ, тем он лучше живет. Следовательно, мы должны думать о том, чтобы как можно больше было из нашей среды, из коренного населения Области людей с высшим образованием <...> Нам нужен университет»¹⁸. Это выдержка из статьи Ксенофонтова «Основные задачи якутской интеллигенции», опубликованной в газете «Якутские вопросы» в 1916 г. Редактором газеты был В.В.Никифоров — давний знакомый Ксенофонтова, разделявший его взгляды и духовные интересы. Никифоров — бывший адвокат, когда-то повлиявший на выбор профессии Ксенофонтовым, приглашает его работать в свою газету. К этому времени Никифоров становится идеологом национально-освободительного движения в Якутии, создавшим первую по-

литическую организацию «Союз якутов». Этот человек оказал огромное влияние на формирование гражданской позиции Ксенофонтова. В годы Первой мировой войны они сотрудничали в политическом Красном Кресте, выступали против привлечения якутов как «иностранцев» к военным действиям.

Большие надежды связывала национальная интеллигенция с Февральской революцией, знаменовавшей падение монархического режима. Без особых колебаний Никифоров и Ксенофонтов вошли в Якутскую фракцию областного Комитета общественной безопасности (ЯКОБ). На фоне этих событий в Якутии большое значение имел Первый съезд русских и якутских крестьян, работой которого руководили Ксенофонтов и Никифоров. Именно на этом съезде был образован союз «Свобода», объединивший цвет якутской интеллигенции. Основной целью союза стала идея земского самоуправления. Примечательно, что через много лет Г.В.Ксенофонтов, продолжая дело отца, настойчиво пытался претворить земскую реформу в жизнь. Деятельность этой организации переросла рамки обычного союза, и вскоре на ее основе была образована партия Якутский трудовой союз федералистов. Новая партия якутской интеллигенции продолжала лучшие традиции первой политической организации «Союз якутов». Идеями вдохновителями и лидерами партии вновь стали соратники-единомышленники Никифоров и Ксенофонтов. Якутские федералисты последовательно развивали идеи суверенитета, стояли на принципах федеративного устройства государства, в чем, несомненно, сказались областнические взгляды их лидера Ксенофонтова. Об авторитете Ксенофонтова как политического деятеля свидетельствует тот факт, что он единодушно был избран от федералистов депутатом в Учредительное собрание. Одновременно Ксенофонтов занимается подготовкой к выборам в земские учреждения. Во многом благодаря его усилиям в октябре 1917 г. стало возможным открытие земства в Якутии. Став земским гласным от Западно-Кангаласского улуса, Ксенофонтов разворачивает энергичную деятельность по развитию земских учреждений в Якутии, выезжает в Омск, представляя интересы области. Перед Сибирским правительством он ходатайствует о предоставлении денежного кредита, пособий для развития просвещения, добивается положительного разрешения вопроса о строительстве Аянской дороги¹⁹.

Дальнейшие события резко изменили ситуацию демократического подъема в Якутии. Приход к власти большевиков в Петрограде расколол, как и повсюду в России, местное общество на два непримиримых лагеря, размежевал интеллигенцию, оттолкнув ее либерально-демократическую часть. Деятельность якут-

ских федералистов не вписывалась в эпохальную картину пролетарской революции. Надежды якутской интеллигенции теперь были связаны только с созывом Учредительного собрания и с Сибирской областной думой. Как депутат от Якутской области, Ксенофонтов принимал непосредственное участие в работе Сибирской думы, идейными вдохновителями которой были его давние знакомые — патриарх сибирского областничества Потанин и его последователь Адрианов. Казалось, что пришло их время. Однако мечтам об автономной и свободной Сибири не суждено было сбыться. С разгоном Учредительного собрания и ликвидацией Сибирской думы период активной политической деятельности Ксенофонтова завершился: реализовать областническую программу так и не удалось, в сентябре 1921 г. Дума была распущена. Летом 1919 г. Ксенофонтов возвращается в Якутск и начинает работать заведующим юрисконсультским отделом областной управы. Благодаря его энергичной деятельности в Якутской области началось формирование суда присяжных заседателей из числа земских гласных²⁰. Сам Ксенофонтов был избран заместителем председателя областного земского собрания, но вооруженный переворот большевиков осенью 1919 г. навсегда похоронил надежду на земское самоуправление. Не желая сотрудничать с новой властью, Ксенофонтов уходит со службы.

В этот бурный для Гавриила Васильевича период политическая деятельность не оставляла времени для научных штудий, но свою работу в местном Географическом обществе он не прекратил. «...Большое значение для моей будущей научной деятельности имело знакомство с тов. Ярославским, который состоял тогда консерватором Музея Географического общества и интересовался вопросами шаманизма. В первые же дни революции 1917 года он начал в Якутске свою антирелигиозную пропаганду, знакомя своих слушателей с животрепещущими вопросами науки о религии, о боге, об умирающих и воскресающих богах, о библейских мифах и прочее. Его выступления, в особенности благодаря его ораторскому темпераменту, производили очень сильное впечатление. Интерес к основным темам моих научных работ, а именно к вопросу об умирающих богах — шаманах, к изучению библейских мифов зародился во мне главным образом под влиянием тов. Ярославского»²¹. Следует отметить, что Ксенофонтов уже в те годы не принимал однолинейного эволюционного подхода при рассмотрении этнографических фактов; в своих первых научных статьях, относящихся к 20-м годам, он писал: «...не может быть народов "исторических и неисторических". Все народы безусловно историчны, и их культурная жизнь может быть изучаема методами исторического познания <...> Отрывочный эт-

нографический метод познания культуры в плоскостной проекции необходимо заменить историческим, более того историко-материалистическим. Что вытекает из сути этого требования? В частности, если говорить о самобытной культуре якутского народа, то его историк обязан быть именно историком в полном смысле этого слова, т.е. знать культурно-хозяйственную жизнь этого народа со всех сторон, его экономику, материальный быт, искусство, религию, народную поэзию — богатырский эпос, народную лирику, социально-философские воззрения народа»²². По сути, речь здесь идет о новом, комплексном, мультидисциплинарном методе, который сегодня так широко используется учеными.

* * *

Оказавшись в горниле политических событий, Ксенофонтов чувствует душевное смятение и разлад, не понимая и не принимая большевистскую диктатуру. Он хочет уединения. В сентябре 1920 г. он добивается командировки в Иркутск с целью получить там медицинское образование.

Он приезжает в город, о котором был наслышан еще с юношеских лет, ведь здесь жил когда-то кумир якутской просвещенной молодежи, первый якутский революционер — народоволец К.Г.Неустроев, выпускник Петербургского университета, получивший степень кандидата естественных наук, уроженец Кангаласского улуса, земляк Гавриила Васильевича. Ему необходимо встретиться со своим юношеским идеалом, символом свободы, равенства и братства. Тогда для них, молодых студентов, обучавшихся за пределами Якутии, Неустроев был примером беззаветного служения народу. В 1883 г. Неустроев был казнен «за оскорбление действием» генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г.Анучина. Здесь, в Иркутске, Гавриил Васильевич не раз вспоминал выученные когда-то наизусть строки предсмертного письма якутского революционера: «<...> Я был простой работник, но не изменил святыне — знамени и верю ему. Прости родина, цветы, красуйся! Прими эти пожелания от чистого сердца. Все, что я делал, писал или говорил, было искренне и исходило из глубины души»²³. Но ведь Ксенофонтов с Никифоровым также искренне желали свободы и процветания своему народу. Почему же сейчас все происходящее в стране напоминало акт насилия и произвола? Ксенофонтов чувствует свое «инакомыслие» по отношению к Советской власти, но он не может предать свои идеалы. Он решает продолжать политическую борьбу за «право быть услышанным» и выбирает своим орудием борьбы науку —

народоведение. Позднее он не раз повторял: «Относиться с уважением и даже любовью к тому народу, который вскормил, вспоил нас своими трудами, уделил нам крупицу своих племенных дарований, — это еще не значит совершить позорное, предосудительное деяние <...>»²⁴.

Гавриил Васильевич, будучи сам юристом, научная эрудиция которого базировалась в первую очередь на европейском гуманитарном знании, на греческой и немецкой философии, приходит к принципиальному убеждению о больших возможностях прикладной этнографии.

Он поступает на общественный факультет (медицинский факультет к тому времени был уже переполнен), где начинает слушать лекции по истории Сибири.

Надо сказать, что в последующих своих работах он определит этнографию наукой в высшей степени политической²⁵. Анализируя дореволюционную историю этнологии, он отмечал, что колониальная политика, воинствующая пропаганда христианства в большей мере нашли отражение в этнографических трудах и описаниях быта неевропейских народов. В связи с этим он писал: «Такие понятия, как "дикарь", низшая раса <...> должны быть выброшены за борт, ибо они порождают национальное и расовое высокомерие и создают ложное представление <...> о тех или иных народах»²⁶.

На становление же его как профессионального этнографополевика повлияла научная среда Иркутского университета, где он начинает принимать активное участие в кружке «Народоведение» и в работе Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРО).

В Иркутском университете в то время было только два факультета по общественным наукам: историко-филологический и юридический. Гавриил Васильевич, будучи слушателем историко-филологического факультета, начинает посещать лекции Г.С.Виноградова, М.К.Азадовского и Б.Э.Петри. Особый интерес вызывали лекции и семинары по этнографии коренных народов Сибири профессора кафедры истории первобытной культуры Б.Э.Петри, ученика В.В.Радлова и Л.Я.Штернберга²⁷.

При кафедре был свой кабинет археологии и этнографии с небольшой библиотекой и музеем. Здесь же проходили занятия студенческого кружка «Народоведение». Руководителем кружка был сам Б.Э.Петри. Вот сюда-то и стал часто заходить Ксенофонтов. Он близко знакомится с Б.Э.Петри, и тот через некоторое время приглашает его к себе на кафедру в качестве ассистента (в этот период правление Университета определило его ассистентом на кафедру восточных языков).

Проблема происхождения народов Сибири, которая так увлекала Петри, становится исследовательской темой Ксенофонтова. Молодой преподаватель под влиянием своего учителя начинает серьезно изучать археологию и физическую антропологию. В 1920 г. на одном из заседаний кружка Гавриил Васильевич делает научный доклад «Происхождение якутского народа». Текст доклада вызвал настолько оживленный интерес, что Ксенофонтову пришлось выступить вскоре еще с двумя докладами, посвященными этно- и культурогенезу народа саха. Высокую оценку им дали профессора Огородников и Петри. Особое внимание было уделено оригинальному методу исследования — привлечению широкого фольклорного материала для изучения исторических вопросов²⁸.

Важно, что якутский ученый этногенез народа саха рассматривал в контексте общей культуры Центральной Азии. «<...> Материалы по древней культуре якутов являются совершенно новой и довольно богатой категорией научных источников по ориенталистике вообще, которые в дальнейшем несомненно сыграют очень большую роль в деле изучения культурной истории всех пастушеских народов Центральной Евразии. Их исключительная ценность обуславливается тем обстоятельством, что якуты не попали в сильнейший водоворот исторических событий, сопровождавших образование империи Чингис-Хана. В эту эпоху почти до основания разрушилась самобытная пастушеская культура степных народов турецкого (тюркского. — *Е.Р.*) происхождения, которая складывалась в течение многих тысяч лет внутри монгольских степей в процессе постоянного взаимодействия с оседлой китайской цивилизацией»²⁹.

На одном из заседаний кружка Ксенофонтова увидел тогда еще совсем молодой А.П.Окладников. Вот как описывал эту знаменательную встречу известный впоследствии академик: «Среди сотрудников и учеников Б.Э.Петри я встретил еще одного человека, первая же встреча с которым поразила меня. Это был ассистент Гавриил Васильевич Ксенофонтов. Он привлек меня сразу своей необыкновенной страстностью и эмоциональной силой речи. В нем, казалось, пылал неугасимый внутренний огонь. Выразительное, красивое лицо этого человека становилось даже яростным и страшным, когда он опровергал доводы своих противников и громил ненавистные для него построения <...> Позже я узнал, что Г.В.Ксенофонтов окончил до революции юридический факультет. Но теперь весь его страстный темперамент и талант оратора-публициста был целиком посвящен истории его народа и страны»³⁰. Потом они часто встречались на заседаниях Географического общества. Свою юношескую влюбленность и

глубокое уважение к якутскому ученому А.П.Окладников пронесет через всю свою жизнь, называя его своим Учителем.

В 1921 г. Ксенофонтов в качестве члена экспедиции Петри едет в свою первую этнографическую экспедицию в Якутию для сбора материалов по религиозному фольклору. Здесь наряду с основной программой молодой исследователь изучает петроглифы на р. Лене. Лето 1922 г. проводит в Аларском аймаке Бурятии, знакомясь с шаманской верой бурят. Надо сказать, что уже к этому времени он уволился из Университета, этнография полностью поглощает его. Иркутский университет не забывал своего талантливого преподавателя. В 1924 г. он вновь получает приглашение от Б.Э.Петри:

«Многоуважаемый Гавриил Васильевич!

В недалеком будущем предполагается открыть при Педагогическом факультете Иркутского Государственного Университета Якутский разряд, который получил задание готовить преподавателей якутского родного языка, а также культурных работников в Якутской Республике.

Планы преподавания на Якутском разряде уже выработаны и посланы на утверждение в Москву.

Я уполномочен Словесно-исторической комиссией в порядке предварительных переговоров запросить Вас, не желаете ли Вы вступить в число преподавателей Якутского разряда.

Если Вас интересуют планы преподавания, канцелярия может их вам выслать.

С уважением профессор Б.Петри»³¹.

Г.В.Ксенофонтов отказывается от этого предложения, тем не менее дружеские отношения двух талантливых ученых не прекращались. Позднее Гавриил Васильевич расшифровал найденные иркутским профессором в Прибайкалье загадочные рунические письма и подтвердил гипотезу Петри о южном происхождении «курумчинской» культуры.

Итак, с этого времени «поле» становится главным источником в его исследованиях. Все его экспедиции носили длительный стационарный характер: для сбора материалов по этнографии, фольклору, шаманству у северных якутов он поступил на службу секретарем Северного отделения Якутского наркомата торговли и промышленности и потому прожил на Севере около года. В 1925 г. он совершил самую продолжительную экспедицию по маршруту: Якутск — остров Тойон Ары — таежные районы Западно-Кангаласского улуса и Средневилюйский улус — Вилюйск — Верхневилюйск — Марха — Нюрба Шея — Сунтар — Хочинский улус — Брангатский наслег — Чона — Эрбогаче — Ново-Туруханск — Красноярск. В 1926 г. ученый съездил в Хакасию и та-

ким образом завершил свой намеченный маршрут. О своем самом длительном полевом сезоне Ксенофонтов писал: «Приехав в Якутск, я поступил секретарем Северного отделения Якутского наркомата торговли и промышленности, чтобы иметь возможность прожить за полярным кругом и изучать на месте шаманство среди самых отсталых и окраинных якутов — оленеводов и рыболовов. Прожил год в низовьях Лены в с. Кюсюр. За это время совершил двухмесячную поездку к устью р. Оленек для изучения быта тамошнего населения. В октябре 1924 вернулся в Якутск и здесь до конца декабря изучал якутский фольклор, разъезжая по Кангаласскому улусу. Совнарком Якутии дал мне командировку в центр для обработки собранных мною этнографических материалов, определив научным сотрудником при Наркомпросе. Зимой, в феврале 1925 г., я выехал в центр через Вилюй, Чону, Эрбогачон, Нижнюю Тунгуску, Туруханск, Красноярск, чтобы найти новые материалы по верованиям и фольклору якутов Вилюя, а также ознакомиться с шаманством тунгусов бассейна Нижней Тунгуски, живущих вне якутского влияния. Приехав в июле в г. Красноярск, я совершил месячную поездку в Хакасию для ознакомления с бытом, языком хакасов в целях уяснения степени родства с якутами»³². Так был собран обширный корпус источников по этнографии, фольклору, мифологии, ритуалу, верованиям и искусству якутов, эвенков, хакасов. Следует отметить, что в экспедициях Гавриил Васильевич все зарисовки к своим материалам делал сам, и делал это профессионально. Сохранились его великолепные зарисовки орудий быта, ритуальных предметов, шаманского костюма, орнаментальных знаков и др.

К сожалению, это была его последняя экспедиция: по состоянию здоровья ученый вынужден был уехать из Якутии, сначала в Ленинград, а затем в Москву. 23 мая 1927 г. в Якутском представительстве в Москве Ксенофонтов выступил с обширным докладом о проделанной научной работе перед правительством Республики. Отчет был единодушно утвержден, а Ксенофонтову назначили ежемесячную правительственную стипендию в размере 200 рублей³³. Приехав в Иркутск, он продолжает успешно выступать с лекциями и докладами. Как раз тогда при ВСОРГО образовалась якутская секция и Ксенофонтов стал ее активным участником. Секция начала издавать «Очерки по изучению Якутского края».

1927 год был очень тяжелым для Г.В.Ксенофонтова. При родах умерла его жена, Н.Н.Кандинская, первая и самая сильная его любовь. По воспоминаниям, она была очень красивой. Серьезное душевное потрясение вынудило его поехать на лечение в

Крым³⁴. В тот же год репрессии коснулись самых близких ему людей: была раскрыта антибольшевистская деятельность партии якутских конфедералистов. Павел, брат Г.В.Ксенофонтова, возглавлявший эту организацию, был арестован и приговорен к расстрелу. А вскоре Ксенофонтов узнает об аресте В.В.Никифорова, обвиненного в национализме, а затем и о его смерти в заключении в далеком Новосибирске. Смерть Никифорова как бы отделила его прошлую жизнь от настоящей. Гибель друга, единомышленника и соратника была первым сигналом о возможном трагическом финале его собственной судьбы.

По воспоминаниям его современников, в этот период Ксенофонтов был особенно загружен научной работой. Он занимался переводами собранных им образцов якутского фольклора и обрабатывал материал о шаманизме якутов, бурят и тунгусов. Полки в его скромно обставленной комнате от пола до потолка были забиты папками с рукописями, дневниками, зарисовками и другими этнографическими материалами, а также книгами по древней истории, мифологии, этнологии на разных языках, были здесь и сочинения К.Маркса и Ф.Энгельса. Сильное впечатление на окружающих производили его обширные знания в области общественных наук, исключительное трудолюбие и преданность науке. Гавриил Васильевич почти все время проводил за книгами и рукописями, нигде не бывал и никого не принимал у себя. Он полностью находился во власти своих научных изысканий, нигде не служил и испытывал серьезные материальные затруднения, так как существовал только на небольшое пособие, получаемое им на правах стипендиата от правительства Якутской республики³⁵.

Г.В.Ксенофонтов торопится писать, публиковаться и много работает. Он хотел быть услышанным, но большинство его трудов не понимали и не принимали. Советская идеологизированная научная среда не могла простить ему его оригинальных теорий и кросскультурных исследований. В одном из писем своему иркутскому другу В.А.Кротову он признавался: «Очень сожалею, что, пользуясь Вашим отсутствием, я значительно отошел от Ваших заветов — насчет "тона" работы. Это, вероятно, не к добру, ибо вызывать и бранить ученую братию начинающему работнику не следовало бы. Но, по-видимому, рока не избежать. Сознательная целесообразность Ваших предостережений, я решил накликать на себя суровую отповедь спецов. По крайней мере — не замолчат, и то будет благо»³⁶. Как ученый он принципиально отстаивал свои взгляды, не боясь оказаться в меньшинстве. Широта и смелость его суждений, обращение к обширному сравнительному материалу вплоть до античности вызывали глухое раздражение узких специалистов и ортодоксальных материалистов.

В эти годы были опубликованы его статьи «Изображения на скалах р. Лены в пределах Якутского округа», «Происхождение якутов», «Кочевой быт и религия». При помощи издательства якутской секции ВСОРГО увидела свет его первая книга «Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов». В 1929 г. вышли из печати теоретические исследования, посвященные религиозным воззрениям Запада и Востока³⁷. В этих работах впервые был введен в научный оборот обширный корпус текстов по шаманскому фольклору и мифологии сибирских народов, получила развитие оригинальная теория происхождения религии, идея «странствующего бога». Проблема происхождения шаманизма рассматривалась на широком фоне истории народов Евразии, была предпринята смелая попытка сравнительного анализа таких сложных религиозных явлений культуры, как христианство и шаманизм. Это был период прилива творческих сил, душевного подъема, жизнь как будто обретала новый смысл.

В Иркутске Ксенофонтов встретил новую спутницу жизни — К.А.Рогову, которая стала его женой. В 1930 г. у Ксенофонтовых родился первенец Леонид, который оказался единственным ребенком. Жена разделяла с ним все тяготы жизни и была с ним до трагического конца.

* * *

Начало 30-х годов в научной деятельности Ксенофонтова ознаменовалось рядом серьезных выступлений в крупных академических институтах страны. Так, его теоретические доклады по ранней истории и религии были заслушаны в Ленинграде (в Институте антропологии и этнографии, Институте востоковедения) и везде получали высокие отзывы.

Г.В.Ксенофонтов этого времени предстает перед нами уже сформировавшимся, крупным этнографом со своим оригинальным научным мировоззрением. Он получает специальный заказ написание книги по происхождению и древней истории якутов в местном издательстве. В 1933 г. Ксенофонтову вручают удостоверение Представительства Якутской республики, в котором говорится, что «тов. Г.В.Ксенофонтов в качестве историка-этнографа состоит научным сотрудником якутских научно-издательских организаций по разработке древней истории якутов»³⁸. С этого времени начинается новый якутский период его жизни, в котором он проявил себя как подвижник, сделавший очень много для становления молодой якутской науки. Летом он выезжает в Якутию в Кангаласский улус для проведения совместных археологических раскопок с директором Якутского обла-

стного музея М.А.Ковининым. Эта была по существу первая научно организованная археологическая экспедиция в Якутии. В «поле» была проделана огромная работа, а затем археологические материалы древних захоронений были выставлены в экспозиции Якутского областного музея. Трудно переоценить эту сторону деятельности Гавриила Васильевича. Как отмечают исследователи, «Ковинин и Ксенофонтов организовали первую специальную экспедицию по обследованию древнеякутских погребений, положив начало переходу от единичных, случайных работ к согласованным, продуманным исследованиям в данном направлении. Экспедиция наглядно доказала научное и познавательное значение погребального материала»³⁹.

Гавриил Васильевич являлся ученым-гуманитарием поистине широкого профиля. Он активно включился в развернувшиеся тогда теоретические дискуссии о языке (концепция Н.Я.Марра) и написал серию полемических исследований по данной проблеме. Примером могут служить его блестящие работы, посвященные расшифровке памятников орхонской письменности из Западного Прибайкалья⁴⁰.

Интерес Ксенофонтова к литературе проявился в ряде серьезных научных исследований по литературоведению, в частности в области пушкинианы. Он знал всего Пушкина, цитировал легко, наизусть, более того, занимался специальным анализом таких его произведений как «Медный всадник» и «Евгений Онегин». Эти темы были вынесены Ксенофонтовым на обсуждение в научном кружке при кафедре литературы Иркутского университета⁴¹.

В феврале 1936 г. Ксенофонтов в Иркутске на совещании писателей Восточной Сибири выступил с научным докладом по теме «Великий декабрист (к вопросу о символах "Медного всадника")». По мнению Ксенофонтова, революция в «Медном всаднике» не столько изображается в прошлом, сколько предугадывается в будущем. Подготовленная к изданию на якутском языке, статья носила рабочее название «Медный конь революции». К сожалению, рукопись статьи так и не была опубликована⁴².

В 1935 г. Ксенофонтов принимает участие в языковедческой конференции в Якутске. Здесь он встречается с П.А.Ойунским, видным партийным и государственным деятелем, ученым-филологом, основоположником якутской советской литературы. Вскоре Ксенофонтов получает от Ойунского предложение о сотрудничестве в только что созданном научно-исследовательском Институте языка и культуры при Совнаркомне Якутской республики. В этот период Ксенофонтов уже работал над древней историей якутов «Ураангхай сахалар». Сам Гавриил Васильевич придавал

Г. В. Ксенофонтов. Начало 30-х годов

огромное значение открытию гуманитарного исследовательского института в Якутии и, обращаясь к Ойунскому, писал: «Теперь история и фольклор якутов уже не беспризорные дети. Мое искреннее желание заключалось в том, чтобы вся сумма проделанной мною работы не лежала втуне, а превратилась в общее достояние новых, нарождающихся научных кадров самой Якутии»⁴³. В качестве научного сотрудника института Ксенофонтов много и плодотворно работает. В 1937 г. выходит первый том его монументального исследования «Ураангхай сахалар», ученый продолжает писать конспекты второго тома⁴⁴. Дальнейшая научная деятельность требовала работы в центральных архивах и библиотеках, и при личной поддержке Ойунского он добивается длительной научной командировки в Москву. Так вместе с семьей Ксенофонтов переезжает в столицу, а затем поселяется в подмосковном городе Дмитрове.

Последние годы жизни ученого были очень тяжелыми. Сильно пошатнулось здоровье, его преследовали хроническое безденежье и нужда. Обивание порогов различных инстанций в надежде быть напечатанным отнимало много времени и сил. Теперь его полемические научные труды подвергались особому «редак-

тированию» или изымались в процессе подготовки к печати. Это было уже началом конца.

Несмотря на все трудности, Гавриил Васильевич 24 марта 1938 г. завершает свой многолетний труд «Миф о сыне божьем у якутов, древних турок и монголов» и отправляет рукопись в Институт языка и культуры. Эта была последняя работа, вышедшая из-под пера ученого.

В апреле 1938 г. он был арестован по заранее сфабрикованному делу об участии в антисоветской националистической организации. Позднее сын Леонид вспоминал, как ночью за отцом пришли люди в черном, и его последние слова: «Теперь я уже не вернусь»⁴⁵. Ксенофонтов понимал, что последствия этого ареста могут быть самыми тяжелыми. Ему ставились в вину участие в областническом движении, поддержка Временного правительства, принадлежность к партии федералистов, оппозиционное отношение к Советской власти, наконец, шпионаж в пользу Японии. Г.В.Ксенофонтов и проходящие по этому делу были обвинены в организации японской агентурной сети в различных городах страны. Военная коллегия Верховного суда СССР 28 августа 1938 г. приговорила его к высшей мере наказания, приговор был исполнен без промедления в тот же день⁴⁶. Долгое время не было известно о точном месте его захоронения. Лишь сравнительно недавно установили, что Гавриил Васильевич был похоронен в братской могиле на территории колхоза «Коммунар» в подмосковном поселке Бутово. Г.В.Ксенофонтов был реабилитирован в 1957 г.

* * *

Обращаясь сегодня к научному наследию Г.В.Ксенофонтова, в первую очередь отмечаешь его колоссальную трудоспособность и преданность своему делу. Работы Гавриила Васильевича по религиоведению («Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов», 1928; «Хрестес. Шаманизм и христианство», 1929; «Культ сумасшествия в урало-алтайском шаманизме», 1929; «Пастушеский быт и мифологические воззрения классического Востока», 1929), по языкознанию («Расшифровка двух памятников орхонской письменности из Западного Прибайкалья», 1933), по ранней истории якутов («Ураангхай сахалар», 1937) уже давно получили высокую оценку и мировое признание. Хотелось бы только добавить, что уже в то время ученый в своих исследованиях предложил новый подход к проблемам культуры.

Ориентация ученого на многоуровневые интерпретации разных текстов выводит его на создание единого *языка описания*

культуры. Прекрасный лингвист и ученый широкого диапазона, он одним из первых применил историко-сравнительный анализ и системный подход. В своих неопубликованных работах «Вопросы мифологии и религии», «Миф о праотце и учителе у скифов», «Материалы по Ысыаху», «Письмена Эллэйя» и других ученый впервые поставил *вопрос о взаимоотношении текстов различного типа.*

В рукописном фонде ученого мною была обнаружена краткая аннотация на рукопись «Материалы по дохристианским верованиям и религиозному фольклору якутов». Эти материалы были собраны Гавриилом Васильевичем с 1921 по 1925 г. Аннотация вместе с письмом в Институт антропологии и этнографии АН СССР на имя тогдашнего директора А.М.Маторина была отправлена для подготовки рукописи к изданию. Полный текст рукописи пока обнаружить не удалось. Ксенофонт в аннотации писал: «Материалы представляют из себя протокольные записи на якутском языке бесед с пожилыми якутами на разные темы об их старинных верованиях, обрядах, поверьях, легендах, рассказах-воспоминаниях о том, что и как совершалось на их памяти. В первое время в интересах выигрыша времени некоторые беседы протоколировались по-русски, но позже, напрактиковавшись в якутской скорописи, все беседы мы записывали по-якутски. При этом пользовались особой упрощенной транскрипцией из латинских и русских букв без надстрочных знаков <...> Эта транскрипция дала нам возможность позже перейти к протокольной записи шаманских мистерий и фиксации мимолетных бесед с якутами, не утомляя их ожиданиями и паузами на время записи. Медленная запись обычно замораживает вдохновение рассказчиков, наводит на них скуку, а иногда ведет к измышлениям и к забвению весьма интересных мелочей. Так как старинная религия в условиях современности сохраняется в едва заметных реликтовых явлениях, постоянно изменяющихся под давлением новых впечатлений и прогрессивного разложения старого быта, нельзя не дорожить самыми незначительными мелочами и тонкими штрихами в народных понятиях и представлениях. С другой стороны, нельзя довольствоваться единичными показаниями, которые могут быть случайного происхождения. *Признак народности того или другого явления, вместе с тем и глубокая давность его бытования обнаруживаются лишь в факте его широкой распространенности. Отсюда необходимость прослеживания вариантов, типических форм явления и единичных отступлений. Только при этом условии уясняются народные воззрения, исконные понятия и представления* (выделено мною. — Е.Р.)»⁴⁷.

По мнению Ксенофонтова, культура народа саха состоит из набора определенных элементов-образов, которые, взаимодействуя друг с другом, и создают его «культурное полотно». Так, все его работы, посвященные мифологии народа саха, пронизывает «конская тема», в одном культурном контексте рассматриваются миф—религия—обряд. Главным символом якутской традиции ученый считал ритуал первотворения: «Ысыах — центральная ось и символ веры древних религиозных воззрений якутов, унаследовавших самое последнее достижение степного нomaдизма». Ученый подчеркивает, что всякое исследование по якутам надо начинать с этого праздника⁴⁸.

Ксенофонтов в своих работах употреблял термин «древние религиозные понятия» в значении «понятия-образы», например, «древние религиозные понятия народа отлагаются в различных формах изобразительного искусства, проявляющегося в типах жилища, домашней утвари, одежде, нарядах <...> в якутском орнаментальном искусстве особенно ярко выражен культ солнца и его дериватов». Сюда же он относит повествовательный фольклор, обрядовые песни⁴⁹.

Таким образом, миф—религия—фольклор—ритуал для него, по сути, становятся знаковым выражением культуры народа саха.

Возвращаясь к рукописи по религиозному фольклору якутов, следует отметить скрупулезную работу по подготовке материалов и особое научное видение в их разделении на блоки. Судя по аннотации к рукописи, это было фундаментальное монографическое описание якутской «картины мира»: 1. Космогонические сказания. 2. Naturфилософия древнего якутского язычества. 3. Древний якутский календарь. 4. Рассказы о понимании особо отмеченными людьми языка зверей, птиц, домашних животных, малых детей, не умеющих говорить (имеется в виду этнография речи. — *Е.Р.*). 5. Следы почитания якутами стихийных и физических явлений. 6. Следы культа птиц, зверей и домашних животных. 7. Древний якутский Олимп. 8. Богиня чадородия и брака. Обряды испрошения детей, проводы богини после родов и разные обряды ее почитания, укладывание ребенка в зыбку и т.д. 9. Представления якутов о душе человека, ее элементах, о зачатии ребенка, о повторном рождении души. Записи якутских сновидений. 10. Души людей, превращающихся в злых духов (*уорев*). Легенды и рассказы об образовании этих духов, их биографии при жизни. Причинение ими болезней. 11. Рассказы о прадеде всех шаманов — духе Кээлээни (дух-заика). 12. Дух-предок кузнецов, царей и шаманов Кыдай Бахсы. Рассказы и обряды его почитания. 13. Призвание и становление шамана. Оборотничество шаманов. 14. Культ белых шаманов. Рассказы о кумысном

празднике Ысыах: порядок совершения, обстановка, ритуал, молитвенные призывания. 15. Брак и свадьба. Обряды при свадьбе, молитвы-благопожелания, игры. 16. Похороны⁵⁰.

Большое внимание ученый уделил сбору «второстепенного рода фольклора», который в фольклористике обозначается как «малые жанры». В рукописи значатся пословицы и поговорки, скороговорки, детский фольклор, сказания о знаменитых певцах и состязании с ними злых духов. Такие метатексты, наряду с другими материалами, исследователь активно вводил в научный оборот при описании и толковании культурной традиции народа саха. Прекрасное владение двумя языками (в качестве научного он использовал русский) способствовало и ускоряло перевод устной якутской традиции на книжную без потерь и ускоряло этот процесс.

В целом труды Ксенофонтова, созданные в лучших традициях европейской гуманитарной мысли и подкрепленные богатой источниковедческой базой, собранной в «поле», положили начало интеллектуальной традиции народа саха, становлению якутской этнографической школы.

Важнейшим итогом всей своей научной деятельности Ксенофонов считал собранный им свод мифологических текстов о гонимом божественном герое Эллэе, первопрядке народа саха, и его мифологическом противнике Омогое. Еще в рукописи эта работа получила высокую оценку В.Г.Богораза-Тана, М.А.Гудошниковой, А.А.Попова, А.П.Окладникова⁵¹. Тем не менее при жизни ученого рукопись так и не была издана. Только в 1965 г. сотрудник Института языка, литературы и истории (бывший Институт языка и культуры) Сибирского отделения АН СССР П.Е.Ефремов обнаружил рукопись в архиве Государственного антирелигиозного издательства, а в 70-х годах усилиями якутских фольклористов она была подготовлена к печати. В 1977 г. «Эллэйада» Г.В.Ксенофонтова увидела свет⁵². Вводная статья ученого «Первобытная пастушеская библия у якутов» в книгу не вошла.

Я открываю книгу Ксенофонтова «Эллэйада» и читаю первые попавшиеся строки: «Эллэй был царский сын. Он бежал от войны между татарами и русскими. Отец его, умерший в дороге, был, кроме того, шаманом, вообще большим знатоком. Он заранее указывал ему дорогу <...>»⁵³. Эр-Соготох-Эллэй — создатель якутской культуры, проповедник новой религии.

Кажется, что собранные исследователем по крупицам сюжеты о странствующем герое Эллэе как нельзя лучше проецируются на научное творчество самого ученого. Гавриил Васильевич, как и его любимый мифологический герой, был своего рода деми-

ургом якутской науки и культуры, активным проповедником всего нового и прогрессивного. Символично и то, что последней работой выдающегося исследователя стал «Миф о сыне божьем у якутов, древних турок и монголов». В этом труде рассматривается миф о странствующем герое-одиночке — один из основных источников «Эллэяды».

Полный текст «Эллэяды», как и огромное количество неопубликованных рукописей ученого (более 16000 л.), хранится в архиве Якутского научного центра и еще ждет своего исследователя. Впервые о существовании личного архива ученого в Дмитрове стало известно в 1949 г. Якутский фольклорист Г.У.Эргис, ознакомившись с архивом ученого, информировал о его огромной научной ценности Якутский филиал Академии наук. Большую помощь в передаче рукописного наследия Ксенофонтова в Якутск оказали ученые-сибиреведы С.А.Токарев, Б.О.Долгих, И.С.Гурвич, А.П.Окладников.

Так научное наследие ученого, пройдя длительный путь в пространстве и времени, возвратилось на родину. Архив Ксенофонтова — это целая эпоха в истории нашей страны, трагическая страница в истории науки, а главное — сама жизнь и переживания Ученого.

Жизненный путь Гавриила Васильевича — это долгий путь странствий и испытаний одинокого путника, путь возвращения к себе.

Когда-то, еще в юношеские годы, у него зародился глубокий интерес к античности, который он пронес через всю свою жизнь. И я хочу завершить свой рассказ об этом удивительном человеке стихами великого римского поэта Публия Овидия, которые оказались в рукописи Гавриила Васильевича, посвященной исследованию символов в творчестве А.С.Пушкина. Думаю, что этот отрывок из поэмы «Метаморфозы» Овидия (в пер. А.Фета) как нельзя лучше отражает жизненное кредо выдающегося сибирского ученого.

Кончил я дело, которое не уничтожит железо,
Ни громовержца Юпитера гнев, ни огонь-истребитель,
Ни ненасытное время!.. Пусть день тот, который имеет
Власть лишь над телом моим, когда хочет, покончит
Срок моей жизни; но вечный дух унесется, надеюсь,
К горним светилам, и имя мое на земле не исчезнет!⁵⁴

¹ *Eliade Mircea*. Schamanismus und archaische Ekstasentechnik. Zürich—Stuttgart, 1957.

² См. работы С.А.Токарева: Предисловие. — Легенды и рассказы о шаманах. М., 1930, с. 3—4; Ранние формы религии. М., 1964.

- ³ Эргис Г.У. О научной деятельности и рукописном архиве Г.В.Ксенофонтова. — Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 8 М., 1978, с. 122—135.
- ⁴ Дьячкова А.Н. Г.В.Ксенофонтов: ученый и общественно-политический деятель. Якутск, 2000, с. 203.
- ⁵ Попов Г.В. Г.В.Ксенофонтов как этнограф-художник (на якут. яз.). — Илин. 1998, № 1, с. 12—14. Г.В.Ксенофонтов: Возвращение к себе. Сборник научных статей. М., 1998.
- ⁶ Автобиография. — АЯНЦ, ф. 4, оп. 1, д. 159, л. 6.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири во второй половине XIX—начале XX века. Вып. 1. Областники. Новосибирск, 1995, с. 88—89.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ РГАЛИ, ф. 1691. Пантелеев Л.Ф. Письма, оп. 1, д. 478.
- ¹¹ АЯНЦ, ф. 5, оп. 1, д. 108, л. 3.
- ¹² Дэвлет М.А. А.В.Адрианов как этнограф. — Репрессированные этнографы. Вып. 1. М., 1999, с. 35.
- ¹³ Дьячкова А.Н. Ксенофонтов, с. 37.
- ¹⁴ НАРС(Я), ф. 192, оп. 10, д. 2370, л. 5.
- ¹⁵ Автобиография, л. 6.
- ¹⁶ Якутская окраина. 1, 3. V. 1914
- ¹⁷ Романова Е.Н., Дьяконова Н.Н. Символы власти и национальная интеллигенция народа саха: историко-культурный дискурс. — Республика Саха (Якутия): Путь к суверенитету. Якутск, 2000, с. 44.
- ¹⁸ Якутские вопросы. 14.IX.1916.
- ¹⁹ Яковлев Э.М. Г.В.Ксенофонтов и земское движение. — Ил. Исторический, культурологический журнал. Якутск, 1999, № 3—4.
- ²⁰ Яковлев Э.М. Г.В.Ксенофонтов и земство в Якутии 1917—1920. — Г.В.Ксенофонтов: Возвращение к себе, с. 20.
- ²¹ Автобиография, л. 7.
- ²² АЯНЦ, ф. 4, оп. 1, д. 26, л. 95.
- ²³ Дьяконова Н.Н. Народолюбческая организация К.Г.Неустроева в Сибири (80-е гг. XIX в). СПб., 1995, с. 97.
- ²⁴ Окладников А.П. «Эллейада» и ее создатель — Г.В.Ксенофонтов. — Сибирские огни. 1978, № 6, с. 191.
- ²⁵ АЯНЦ, ф. 4, оп. 1, д. 26, л. 92.
- ²⁶ Там же, л. 94.
- ²⁷ См.: Сирин А.А. Забытые страницы сибирской этнографии: Б.Э.Петри. — Репрессированные этнографы. Вып. 1, с. 57—80.
- ²⁸ АЯНЦ, ф. 4, оп. 1, д. 16, л. 22.
- ²⁹ Там же, д. 59, л. 47.
- ³⁰ Окладников А.П. «Эллейада» и ее создатель, с. 187—192.
- ³¹ АЯНЦ, ф. 4, оп. 1, д. 159, л. 19.
- ³² Автобиография, л. 7.
- ³³ НАРС(Я), ф. 461, оп. 1, д. 8, л. 4.
- ³⁴ Антонов Е.П. Из истории семьи Г.В.Ксенофонтова. — Г.В.Ксенофонтов: Возвращение к себе, с. 90.
- ³⁵ Кротов В.А. К биографическим материалам Г.В.Ксенофонтова. — АЯНЦ, ф. 4, оп. 1, д. 161, л. 4.
- ³⁶ Там же, л. 10.
- ³⁷ См. работы Г.В.Ксенофонтова: Изображения на скалах р. Лены в пределах Якутского округа. — Бурятведение. 1928, № 3—4; Кочевой быт и религия. —

Бурятоведение. 1928, № 1—2; Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов. Иркутск, 1928 (Приложение к сб. «Очерки изучения Якутского края». Вып. II. Иркутск, 1928. В 1930 г. в Москве вышло второе, дополненное издание); Культ сумасшествия в урало-алтайском шаманизме (К вопросу об умирающих и воскресающих богов). С предисл. А.П.Окладникова. Иркутск, 1929; Пастушеский быт и мифологические воззрения классического Востока, Иркутск, 1929; Хрестес. Шаманизм и христианство. Иркутск, 1929.

³⁸ АЯНЦ, ф. 4, оп. 1, д. 159, л. 11.

³⁹ *Винокуров П.* Экспедиция на бычьей шкуре. — Ил. 1999, № 3—4, с. 42.

⁴⁰ *Ксенофонов Г.В.* Расшифровка двух памятников орхонской письменности из Западного Прибайкалья. — Язык и мышление. Сб. статей. Т. 1. Л., 1933, с. 36.

⁴¹ *Кудряцев Ф.* Из воспоминаний о Г.В.Ксенофонове. — АЯНЦ, ф. 4, оп. 1, д. 162, л. 2.

⁴² АЯНЦ, ф. 4, оп. 1, д. 121, л. 43.

⁴³ Там же, д. 152, л. 19.

⁴⁴ *Ксенофонов Г.В.* Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Иркутск, 1937.

⁴⁵ *Антонов Е.П.* Из истории семьи Г.В.Ксенофопова, с. 90.

⁴⁶ *Алексеев А.А.* «Признаю виновным...». Служба безопасности Республики Саха (Якутия). М., 1996, с. 159.

⁴⁷ АЯНЦ, ф. 4, оп. 1, д. 151, л. 43—45.

⁴⁸ Там же, д. 12а, л. 86.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, д. 151, л. 52.

⁵¹ Там же, д. 137, л. 25—42.

⁵² *Ксенофонов Г.В.* Элэйада. Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М., 1977, с. 43.

⁵³ Там же.

⁵⁴ *Ксенофонов Г.В.* Материалы и исследования о «Медном всаднике». 1936. — АЯНЦ, ф. 4, оп. 1. ед. хр. 121, л. 14.